

## ВОССТАНИЕ 16–17 ИЮНЯ 1953 г. В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАЦИЕЙ Д. ЭЙЗЕНХАУЭРА ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ СТРАН СОВЕТСКОГО БЛОКА (ЯНВАРЬ 1953 г. – ФЕВРАЛЬ 1954 г.)

Рассматривается влияние германской проблемы на процесс выработки политики администрации Д. Эйзенхауэра в отношении стран восточного блока. Также анализируются последствия для американской политики восстания рабочих в Берлине в июне 1953 г. и взаимоотношения с западно-европейскими союзниками.

**Ключевые слова:** администрация президента США; Восточная Германия; политика.

Администрация Д. Эйзенхауэра получила в наследство от предыдущей администрации германский вопрос фактически с уже заданным вектором развития. Поэтому, когда сообщение о начавшихся волнениях в Берлине пришло в Вашингтон 16 июня утром, новая администрация не предприняла каких-либо чрезвычайных мер. Почему? Ведь в свете жесткой предвыборной риторики республиканцев о необходимости «освобождения Восточной Европы» события в Восточном Берлине давали новой администрации прекрасный шанс воплотить в конкретные дела свои предвыборные заявления.

Во-первых, события в Берлине застали американскую администрацию врасплох [1. С. 12]. Еще весной 1953 г. Верховный комиссар в оккупированной Германии докладывал о том, что позиции коммунистов в восточной Германии прочны и ничто не предвещает мощного восстания против власти Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Даже резко возросший поток беженцев из Восточной Германии весной 1953 г. ведомство Верховного комиссара рассматривало как тактический ход советских властей для создания трудностей администрации К. Аденауэра в преддверии ратификации договора о создании Европейского оборонительного сообщества [2. С. 9]. К тому же, администрация, находясь в процессе разработки основополагающих принципов своих взаимоотношений со странами восточного блока, просто не могла иметь конкретных планов действий в подобных ситуациях. Во-вторых, все внимание администрации в это время было обращено на другую часть планеты – Корею, где резко обострилась ситуация в связи с решением южнокорейского президента Ли Сын Мана отпустить 18 июня всех северокорейских и китайских пленных, поставив тем самым под угрозу срыв мирного урегулирования в Корее. Единственной реакцией Вашингтона на события в Германии явилось решение Совета национальной безопасности (далее СНБ) об отправке дополнительного вооружения полицейским силам ФРГ [3. С. 1586–1590].

Специальный помощник президента по политике в условиях холодной войны Ч. Джексон, выполняя поручение СНБ, 22 июня 1953 г. предлагает план Д-45 «Промежуточная стратегия по эксплуатации уязвимости СССР и его сателлитов». Этот план состоял как бы из двух частей. Первая часть предлагала двухступенчатый план активизации психологической и подрывной работы против СССР и стран Восточной Европы, вторая – конкретные действия по реализации плана использования событий 16–17 июня в Германии для уменьшения влияния «советского мирного наступления» и позиций Советского Союза в Восточной Германии. В частности, предлагалось с помощью ЦРУ организовать в Западной

Германии движение, которое должно затем распространиться по миру, в поддержку жертв борьбы за свободу и ежегодно проводить «неделю поработенных народов», значительное внимание уделив жертвам событий июньских событий. Как часть такого движения предлагалось создать в Берлине памятник жертвам событий 16–17 июня и проводить ежегодную церемонию в память ее жертв. Мэр Западного Берлина Эрнст Рейтер сразу же поддержал эту идею и создал западно-германский комитет для ее реализации [4. С. 389]. Значительное место в оказании психологического давления на население Восточной части Германии отводилось радиовещанию, в частности «Радио Свобода» и «Радио в американском секторе» (далее РИАС). Однако важнейшим элементом антикоммунистической политики должна стать программа продовольственной помощи жителям ГДР.

План Д-45 был встречен очень холодно, особенно госдепартаментом. Представители внешнеполитического ведомства США считали, что он провоцирует агрессивные действия как СССР, так и восточных немцев против Западного Берлина и порождает безосновательные надежды в странах Восточной Европы на американскую интервенцию после начала волнений против существующих режимов [5. С. 133]. Кроме того, президент на заседании СНБ 18 июня дал четко понять, что подобные волнения не могут нести серьезной угрозы советскому влиянию непосредственно в этих странах, Советский Союз имеет достаточно сил и ресурсов, для того чтобы быстро подавить подобные выступления. Любая военная помощь восставшим только увеличит количество жертв и будет бессмысленной. Если волнения распространятся на СССР или Китай, только в этом случае следует рассматривать возможность вооруженного вмешательства [1. С. 16].

Ч. Джексон быстро перерабатывает Д-45 с учетом замечаний на СНБ и добивается его рассмотрения и принятия 29 июня 1953 г. как СНБ 158 «Цели и действия США по использованию в своих интересах волнений в зависимых странах» [5. С. 133]. Данный документ, который президент подписал 30 июня, был направлен как раз на резкую активизацию политики США в отношении народов стран Восточной Европы и СССР и подрыва власти коммунистических партий в этих странах [6]. Родившись в результате реакции администрации Д. Эйзенхауэра на события 16–17 июня в Германии, план оказал значительное влияние на последующую линию поведения американской администрации в отношении Восточной Европы и СССР, т.к. попытка имплементации этого плана в реальные поступки показала как его сильные, так и слабые стороны, и привела администрацию к пониманию невозможности

политики «освобождения» в тех рамках и параметрах, как его понимали в период предвыборной кампании в рядах будущих представителей республиканской администрации и в близком к ним экспертных кругах.

Реализация данного плана, которая была поручена ведомству Ч. Джексона, фактически представляла собой первую попытку реализации принципов политики «освобождения» на практике (для выполнения этой задачи Ч.Д. Джексон создает специальную группу «Д 40-45». В ее функции входило обеспечение планирования операций по реализации СНБ 158 и создание условий для консолидации всей политики США в отношении СССР) [5. С. 134]. Волею судеб и обстоятельств именно в отношении Германии этот план стал наполняться реальным содержанием уже в период его разработки; именно здесь через небольшой отрезок времени стали понятны пределы в его реализации.

Важнейшим элементом стратегии США по использованию восстания в Берлине явилась программа продовольственной помощи жителям восточного Берлина и ГДР. Из Нью-Йорка в Гамбург 17, 20 и 21 июля вышли суда с продовольственной помощью жителям Восточной Германии. В это время на территории Западного Берлина стали развешиваться пункты выдачи данной помощи [3. С. 1623]. С этого момента (в основном через РИАС) началось распространение информации среди жителей Восточной Германии о способе и порядке выдачи продовольственной помощи. Так как пункты раздачи находились на территории Западного Берлина, а советское правительство отказалось от сотрудничества в ее распространении, то жители Восточной Германии должны были сами приходить на пункты раздачи. После предъявления документов, подтверждающих их статус, они могли получить продовольственный паек и самостоятельно возвращаться обратно [3. С. 1622]. Первое судно прибыло в порт Гамбург 27 июля, а груз продовольственной помощи был передан западно-германским властям для раздачи жителям Восточной Германии. В этот же день были открыты первые пункты раздачи помощи на территории Западного Берлина. Официально они были организованы западно-германской стороной [3. С. 1623]. В первые два дня реализации помощи были наиболее успешны. На пункты раздачи помощи обратились около 200 тыс. жителей Восточной Германии [3. С. 1624]. Именно этот успех позволил Ч. Джексону закрепить более агрессивный подход в восточно-европейской политике администрации Д. Эйзенхауэра.

Однако сразу же выявились и определенные проблемы, которые вскоре переросли в принципиальные вопросы американской политики.

Тревожным звонком для администрации был тот факт, что с момента подготовки и до конца реализации программы продовольственной помощи реакция на нее со стороны Великобритании и Франции была отрицательной.

Официальная британская позиция в отношении советского блока была выражена в речи ее премьер-министра в парламенте 11 мая 1953 г. В ней У. Черчилль призвал к переговорам с послесталинским руководством и заключению нового «Локарнского пакта». Встреча «большой тройки», по его мнению, в современных обстоятельствах позволит решить многие международные проблемы, в первую очередь «германский вопрос» [7. С. 896–898]. С этого момента британская ди-

пломатия взяла курс на реализацию данной идеи [8. С. 146]. События 16–17 июня в Берлине создавали угрозу роста напряженности между США и СССР и, соответственно, создавали реальную преграду встрече в верхах. Поэтому британский премьер оправдал применение Советским Союзом силы против демонстрантов [2. С. 21].

Позиция Франции также была отрицательна. Главной причиной такой позиции французского правительства были серьезнейшие трудности, с которыми ему пришлось столкнуться при ратификации договора ЕОС в Национальной Ассамблее и необходимости урегулирования «саарского вопроса» [9. С. 177–183].

Таким образом, процесс осуществления продовольственной помощи жителям Восточной Германии натолкнулся на довольно жесткое противодействие ключевых союзников Вашингтона в Европе. Эти разногласия при определенных раскладах могли привести к серьезным проблемам для американской администрации при взаимоотношениях с восточным блоком. Поэтому совершенно не случайно те подразделения администрации Д. Эйзенхауэра, которые находились в Европе и остро чувствовали настроения европейцев, – дипломатические представительства и ведомство Верховного комиссара в Германии, выступили резко против как продления сроков проведения операции, так и расширения ее на другие сферы (одежда, медикаменты) и в один голос высказались против такой тактики проведения подобных операций в будущем, которая бы не учитывала мнения ключевых западно-европейских союзников [10. С. 82–86]. Поэтому фактически программа продовольственной помощи стала неким «рубиком» для администрации Д. Эйзенхауэра. С одной стороны, администрация старалась интенсифицировать политику, направленную на оказание давления на страны восточного блока, и расширить инструментарий такого давления. С другой стороны, без поддержки ключевых союзников в Европе такое давление будет малоэффективным и даст возможность советскому руководству использовать противоречия между союзниками в своих интересах. Поэтому администрация была поставлена перед необходимостью либо снять возражения европейских союзников в отношении продовольственной помощи и других операций подобного рода, либо отказаться от их проведения.

Программа продовольственной помощи также поставила вопрос о допустимых пределах проведения подобных операций. Уже 1 августа 1953 г. этот вопрос стал перед американской администрацией в полный рост, когда советское и восточно-германское руководство ввело серьезные ограничения на железнодорожное сообщение между Западным Берлином и Восточной Германией [11. С. 17]. В ответ Чарльз Джексон предложил резко усилить нажим на восточно-германское правительство и через РАС призвать самих восточных немцев к активным действиям, чтобы воспротивиться таким мерам. Фактически это означало прямой призыв к восстанию и начало эскалации нового витка напряженности, чреватого новой мировой войной [3. С. 1637].

Однако на неформальном заседании Совета по стратегическому планированию психологических операций отдела политического планирования госдепартамента 5 августа хотя и было принято решение о том,

что продовольственная помощь будет продолжаться и информационное освещение этого события должно быть интенсифицировано, чтобы показывать те препятствия, которые чинят распространению продовольствия власти Восточной Германии, вопрос о призывах к восстанию даже не поднимался. Фактически была принята точка зрения Верховного комиссара США в Германии Джеймса Коната о том, что сама продовольственная помощь и способ ее распространения, который позволил миллионам восточных немцев увидеть реальную жизнь Запада, являются лучшим агитатором «против» коммунистического правления и «за» объединение Германии на основе западных либерально-демократических ценностей [3. С. 1633–1636].

Именно в это время администрация Д. Эйзенхауэра подошла к рубежу, когда необходимо было окончательно определять параметры и границы допустимых и необходимых внешнеполитических действий в рамках проекта «Солярий». Вопрос как раз состоял в том, насколько действия американской стороны должны быть агрессивны. Во всех предложенных на обсуждения вариантах и предлагаемых способах поведения США важнейшее место уделялось проблеме объединения немецкого государства. Процесс объединения Германии, ради которого авторы аналитических документов предлагали идти на переговоры с Советским Союзом, мыслился как начало процесса освобождения стран восточной Европы от советского влияния [12. С. 123–138]. Ситуация с продовольственной помощью позволила во многом склонить чашу весов на сторону сторонников менее агрессивного подхода. Так как эффективность программы, которая не провоцировала военное столкновение, была налицо и плюсы, которые получило американское правительство во взаимоотношениях с коммунистическим миром, не нуждались в каких-либо дополнениях. Один из крупнейших американских специалистов по вопросам взаимоотношения США и Германии в период холодной войны К. Остерман, проанализировав ситуацию в Восточной Германии в летние месяцы 1953 г., пришел к выводу, что сторонники более миролюбивой позиции были близки к истине, т.к. программа продовольственной помощи серьезно затормозила процесс восстановления власти СЕПГ в ГДР [2. С. 42–43]. Процесс восстановления власти и роли партии в обществе проходил постепенно и позволил значительному количеству восточных немцев пересечь границу Западного Берлина, получить продовольственную помощь и воочию увидеть, какова жизнь «на Западе», что, по мнению Джеймса Коната, само по себе имело колоссальное значение для подрыва влияния коммунистической идеологии и усиления влияния либерально-демократических идей в Германии [3. С. 1629]. Партия не смогла быстро и эффективно перекрыть каналы получения продовольственной помощи, в первую очередь из-за того, что понимала свою слабость и боялась вызвать очередной виток напряженности и недовольства широкими масс населения. Поэтому руководство СЕПГ, постепенно консолидируя власть, постепенно вводило ограничения на возможность своих граждан получать продовольственную помощь из Западного Берлина. Такое положение, по мнению К. Остермана, привело к тому, что Москва, испугавшись последствий реформ, пошла на восстановление

у власти и сохранения доверия к наиболее ортодоксальным представителям правящей элиты во главе с В. Ульбрихтом и исправление наиболее тяжелых последствий сталинского наследия проводились по консервативному пути [2. С. 42–43].

Кроме того, постепенная консолидация власти правящим в ГДР режимом все больше затрудняла для США продолжение предоставления помощи, т.к., во-первых, ставило под угрозу благополучие самих получателей помощи – восточных немцев и создавало условия для возможности перерастания кризиса в новое восстание, на которое необходимо будет реагировать. Во-вторых, способствовала росту недовольства в ФРГ, т.к. программа помощи не охватывала безработных и беженцев в самой Западной Германии, что приводило к серьезной критике, в первую очередь из лагеря социалистов, и в обвинении в пропагандистском характере данной программы. Такая ситуация в канун выборов могла серьезно навредить позициям К. Аденауэра. В-третьих, увеличилась возможность возникновения массовых беспорядков на границе восточного и западного секторов в Берлине. В такой ситуации представители верховного комиссара США в Германии выступили не за расширение программы помощи и расширения ее ассортимента, за что ратовало ведомство Ч. Джексона [3. С. 1643], а за сворачивание этой помощи, как и было намечено, к октябрю 1953 г. [3. С. 1647].

Эти обстоятельства, применимые к конкретной повседневной внешнеполитической деятельности, объективно должны были задать определенный вектор развития событий. Для Д. Эйзенхауэра и его администрации развитие событий в Германии совершенно очевидно произошли «не в то время». То, что для Вашингтона события в Берлине 16–17 июня были полной неожиданностью и застали администрацию врасплох, было уже сказано. Но необходимо напомнить, что администрация не была готова к резкой эскалации напряженности во взаимоотношениях с Советским Союзом в этот период, несмотря на жесткую риторику по отношению к ней в период ведения предвыборной кампании. Так как, во-первых, в этот период шли тяжелые переговоры по заключению перемирия в Корее, и американский народ все настойчивее требовал мира. Во-вторых, война в Корее совершенно определенно дала понять Д. Эйзенхауэру, что в данный момент ни США, ни его союзники не готовы к началу новой (теперь уже полномасштабной) войны с коммунистическим блоком из-за вопросов, непосредственно не затрагивающих территорию США. В-третьих, важным обстоятельством, налагавшим серьезные ограничения на возможные действия американской администрации в период берлинских событий, являлось совершенно четко зафиксированное в СНБ 149/2 стремление администрации к бездефицитному бюджету и приравнивание такого положения бюджета к опасности, равной опасности, исходящей от СССР. Именно в данный период разрабатывались основные положения новой концепции строительства и применения вооруженных сил США, которая стала известна под названием «Новый взгляд» [13. С. 19–41]. Именно эта концепция должна была снизить расходы американского правительства на оборону, но в то же время резко приблизить порог использования ядерного оружия, с одной сто-

роны, и угрозу его применения – с другой. И, наконец, испытание термоядерного оружия Советским Союзом заставило многих деятелей администрации Д. Эйзенхауэра начать мучительный пересмотр своих взглядов на дальнейший характер взаимоотношений с СССР. В условиях интенсификации пропагандистских операций в отношении Восточной Германии ситуация уже в августе – сентябре 1953 г. могла бы привести к необходимости задействовать концепцию «Нового взгляда» на практике, что объективно вело к возможности возникновения полномасштабной войны с СССР. К этому ни военное, ни гражданское руководство США не были готовы.

Все эти нюансы американского подхода отразились в документе СНБ 160/1 «Политика США в отношении Германии», который был принят 17 августа 1953 г. [14. С. 510–520]. Это был первый документ администрации Д. Эйзенхауэра, посвященный конкретной стране, что говорит о той значимости и тому влиянию на всю американскую политику, которую оказывал германский вопрос. Уже в нем прослеживаются контуры будущего образа действия американской внешнеполитической машины и основные противоречия, которые потом проявятся в СНБ 162/2.

СНБ 160/2 считал критически важным для Соединенных Штатов необходимость решения в положительном ключе германской проблемы. Такая позиция определялась тем, что без Германии задача Соединенных Штатов по обороне Западной Европы будет существенно осложнена. Отсюда стремление американского руководства создать условия для существования дружественной Германии. Такая Германия, по мнению американского руководства, должна быть демократическим государством, интегрированным в западные структуры (ЕОУС, ЕОС, Совет Европы), что даст гарантию от возрождения германского милитаризма и принятию ею демократических ценностей. Важнейшим шагом в этом направлении СНБ признавало необходимость урегулировать отношения Германии с Францией [14. С. 511].

Главным препятствием на пути решения поставленной задачи документ определял стремление Советского руководства создать единую нейтральную либо дружественную себе, а значит коммунистическую, Германию. Такая Германия будет означать серьезную проблему для США, т.к. потребует концентрации вооруженных сил во Франции и будет способствовать возможному возрождению германского реваншизма, будучи исключенной из западных структур [3. С. 1647].

Для реализации заявленных задач документ предлагал американской администрации сосредоточиться на реализации двух задач: а) всемерное содействие созданию и построению объединенной Европы, включая Германию; б) создание объединенной, демократической и суверенной Германии, самостоятельно выбравшей союз с Западом [14. С. 514].

Эти задачи должны решаться за счет всемерной поддержки уже существующего интеграционного объединения – Европейского объединения угля и стали (ЕОУС). По мысли авторов документа, ЕОУС должен послужить неким локомотивом, который позволит европейским нациям, в первую очередь Франции и Германии, совместно решая возникающие проблемы в наиболее важных и чувствительных для этих стран отраслях,

усиливаться не в противовес друг другу, а во благо, тем самым избежать втягивания в конфликты и войны между собой. Поэтому задача администрации виделась, прежде всего, в том, чтобы развивать ЕОУС и поддерживать стремление стран Западной Европы к расширению сотрудничества между ними в других сферах и, соответственно, поддерживать идею создания Европейского экономического сообщества. Причем авторы документа, фактически предвидя будущее, делали упор на том, что объединенная Европа не должна быть противовесом и угрозой СССР и странам «восточного блока», а должна своим примером показывать преимущества свободного демократического образа жизни и, тем самым, способствовать ослаблению влияния коммунистических идей и, соответственно, СССР в этом регионе [14. С. 514]. Появление данного пассажа тем более интересно, что уже в августе 1953 г. фактически признается, правда пока косвенно, тот факт, что идея «отбрасывания коммунизма» должна воплощаться в жизнь только путем заочного соперничества по улучшению уровня и качества жизни по разные стороны «железного занавеса».

Таким образом, уже в СНБ 160/2 администрация Д. Эйзенхауэра наметила основные вехи, которые способствовали определению ее внешнеполитического курса. Во-первых, администрация встала на позицию сохранения западного единства, даже в ущерб более агрессивной политике в отношении Советского Союза. Не случайно в СНБ 160/2 только в самом последнем пункте упоминается необходимость бороться с коммунизмом и поддерживать сопротивление в Восточной Германии, проводя психологические операции. Во-вторых, уже в самом документе прослеживается линия на строительство западного сообщества, с включенной в него Западной Германией как экономически сильной и независимой стороны, которая бы сняла нагрузку на американскую экономику в организации противодействия распространению коммунизма. Такая позиция однозначно вела к необходимости проведения более миролюбивой политики решения спорных вопросов с СССР путем переговоров. В-третьих, хотя в документе довольно много места уделяется вопросам, связанным с объединением Германии, однако не отпускает мысль, что этот вопрос и есть то, что называется психологическим оружием. Объединение мыслится только на условиях выгодных США и не дается никакого пространства для маневра на переговорах с СССР по объединению Германии. Это наталкивает на мысль, что авторы вовсе и не стремятся к объединению, понимая бесперспективность данной затеи в современных условиях, но в то же время стараются использовать стремление немецкого народа к единству в своих целях. Это позволяет сделать вывод, что администрация Д. Эйзенхауэра фактически реально не рассматривала вопросы, связанные с объединением Германией, признав факт существования двух различных государств «де факто» и, соответственно, выстраивая свою политику в отношении двух Германий. В «Руководстве для проведения военной деятельности в мирное время по обеспечению достижения национальных стратегических интересов США в отношении Германии», подготовленном Объединенным комитетом начальников штабов практически вслед за СНБ 160/2 в двадцатых числах августа 1953 г.

(документ не датирован), совершенно однозначно заявляется, что в обозримом будущем совершенно невозможно достичь приемлемого соглашения с СССР по вопросам мирного договора с объединенной Германией [14. С. 522].

Влияние СНБ 160/2 совершенно четко прослеживается и основополагающих документах американской администрации, появившихся в октябре – декабре 1953 г. СНБ 162/2 «Основы политики национальной безопасности» и СНБ 174/1 «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе» [15]. Учитывая все обстоятельства и, в первую очередь, позицию Франции, которая напрямую связывала встречу представителей западных стран с СССР с возможностью ратификации договора о Европейском оборонительном сообществе, администрация Д. Эйзенхауэра дала согласие на последнюю попытку достигнуть объединения Германии, выдвинув 15 июля в коммюнике по итогам встречи министров иностранных дел США Великобритании и Франции года идею о созыве конференции министров иностранных дел США, Великобритании, Франции и СССР для решения этого вопроса [16. С. 1703].

Переговоры министров иностранных дел СССР, Великобритании Франции и Соединенных Штатов, состоявшиеся в Берлине с 25 января по 18 февраля 1954 г., окончательно подвели итог под решением германского вопроса на ближайшие десятилетия. Невозможность пойти навстречу друг другу привела к тому, что конференция фактически зафиксировала то, что сложилось «де-факто» [17. С. 101–102]. С этого момента раскол Германии можно считать свершившимся фактом. Кроме этого, Берлинскую конференцию именно в силу своей неудачи можно назвать успехом, т.к. она окончательно сняла неопределенность относительно судьбы Германии. И Запад, и Восток окончательно пришли к пониманию невозможности объединения, устраивающего обе стороны, и начали, не оглядываясь на проти-

воположную сторону, строить свои отношения с Германией на основе собственных интересов и понимания способов решения германской проблемы. Остался нерешенным только вопрос о Берлине. Может быть, относительный успех саммита в Женеве на высшем уровне в 1955 г. и появление так называемого духа Женевы во многом обязаны не только достижениям на «вьетнамском направлении», но и тем, что перестал существовать важнейший раздражитель в Европе в результате провала берлинского саммита в январе 1954 г.

Германский вопрос оказывал в силу своей значимости колоссальное воздействие на все аспекты американской политики в отношении СССР и Восточной Европы. Испытав в Германии на практике элементы политики «освобождения», администрация Д. Эйзенхауэра очень быстро пришла к выводу о том, что такая политика имеет пределы и вызывает серьезные разногласия со своими ключевыми союзниками в Европе. Поэтому уже в 1953 г. во всех ключевых документах администрации был зафиксирован тезис о невозможности таких действий, которые бы провоцировали всеобщую войну с СССР. Соответственно, упор был сделан на информационных операциях, рассматривались варианты развития торговых отношений для постепенного смягчения коммунистических режимов, т.е. то, что сейчас называется элементами мягкой силы.

Именно в Германии и на германском опыте американской администрации пришлось реально, несмотря на внутреннее давление, отходить от заявленных в период предвыборной кампании лозунгов и начинать работу по перестройке своего государственного аппарата и направлению его на работу по «смягчению» коммунистического влияния и завоевания симпатий восточно-германского населения на свою сторону. Не случайно, после 1953 г. Западный Берлин превратился в «витрину западного мира» и настоящий «хаб информационно-разведывательной работы» США против стран Восточной Европы.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Coleman David G. Eisenhower and Berlin Problem, 1953–1954 // Journal of Cold War Studies. Winter 2000. Vol. 2, № 1. P. 3–34.
2. Ostermann Christian F. The United States, the East German Uprising of 1953, and the Limits of Rollback. Washington D.C.: Woodrow Wilson International Center for Scholars, Cold War International History Project, Working Paper. № 11. 1994. 46 p.
3. Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. VII: Germany and Austria. Pt. 2. Wash.: Gov. Print. Off., 1986. 1234–1997 p.
4. Ingimundarson Valur. The Eisenhower Administration, the Adenauer Government, and the Political Uses of the East German Uprising in 1953 // Diplomatic History. Summer 1996. Vol. 20, № 3. P. 381–409.
5. Mitrovich G. Undermining the Kremlin. America's Strategy to Subvert the Soviet Block, 1947–1956. Ithaca and London: Cornell University Press. 2000. 246 p.
6. Document № 74 NSC 158 «United States Objectives and Actions to Exploit the Unrest in Satellite States», 29 June 1953. URL: [http://www.wilsoncenter.org/coldwarfiles/files/Documents/19530629\\_NSC158.pdf](http://www.wilsoncenter.org/coldwarfiles/files/Documents/19530629_NSC158.pdf)
7. Foreign Affairs. House of Commons. Deb. 11 May 1953, vol. 515. P. 883–1004.
8. Lambakis Steven James. Winston Churchill, Architect of Peace: A Study of Statesmanship and the Cold War. Westport, CT: Greenwood Press, 1993. 187 p.
9. Hitchcock William I. France Restored: Cold War Diplomacy and the Quest for Leadership in Europe, 1944–1954. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1998. 294 p.
10. Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. VII: Eastern Europe. Pt. 1. Wash.: Gov. Print. Off., 1988. 754 p.
11. Department of State Bulletin, Aug 17, 1953. Wash.: Gov. Print. Off., 1953.
12. Bowie Robert R., Immerman Richard H. Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold War Strategy. N.Y.: Oxford University Press, 1998. 326 p.
13. Bose Meena. Shaping and Signaling Presidential Policy. The National Security Decision Making of Eisenhower and Kennedy. Texas A&M University Press: College Station, TX. 1998. 200 p.
14. Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. VII: Germany and Austria. Pt. 1. Wash.: Gov. Print. Off., 1983. 1233 p.
15. Мирошников С.Н. Германский вопрос и выработка администрацией Д. Эйзенхауэра политики в отношении стран «восточного блока».
16. Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Vol. V: Western Security. Pt. 2. Wash.: Gov. Print. Off., 1983. P. 1543–1849.
17. Powaski E. Robert. The Cold War. The United States and the Soviet Union, 1917–1991. New York; Oxford: Oxford University Press, 1998. 356 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 22 января 2010 г.